

СРАЖЕНИЕ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ НА СТРАНИЦАХ «МАНУСКРИПТА» ФЭНА И «ВОЙНЫ И МИРА» Л.Н. ТОЛСТОГО

Речь идет о воспоминаниях Агатона-Жана-Франсуа барона де Фэна (1778-1837), секретаря-архивиста императора Франции¹, общая характеристика сочинению была дана в нашей предыдущей статье². Его имя занимает не последнее место среди французских мемуаристов, на которых опирался Толстой, создавая «Войну и мир». О нем писатель упоминал в черновых вариантах романа.

Сражение, о котором говорится в этой статье, произошло на пути следования французской армии из Москвы в Калугу, где находились склады продовольствия для русских войск. Французский полководец после этого намеревался повернуть на северо-запад и идти к Смоленску - важной тыловой базе французов. Для осуществления этого замысла Наполеону необходимо было скрыть свой маневр от русского командования так, чтобы армия Кутузова, расположенная в Тарутинском лагере, оставалась там как можно дольше и не успела преградить французам путь на Калугу.

Более пятнадцати страниц Агатон Фэн посвящает описанию сражения при Малоярославце, состоявшемуся 24 октября 1812 г. между отступавшими из Москвы французами и русскими. Этот уездный город Калужской губернии на р. Луже переходил из рук в руки восемь раз и остался за французами. Однако результатом сражения стало вынужденное дальнейшее отступление французской армии по Старой Смоленской дороге.

Толстой не дает описания этого сражения, но упоминает о нем неоднократно³. Вот он говорит о «маленьком, тихеньком» Дохтурове, которого посылают в самые опасные места, но забывают его назвать среди героев этой кампании: «Опять Дохтурова посылают туда в Фоминское и оттуда в Малый Ярославец, в то место, где было последнее сражение с французами, и в то место, с которого очевидно уже начинается погибель французов...» (12, 107).

И далее: «Горы книг написаны историками об этой кампании и везде описаны распоряжения Наполеона об этой кампании и глубокомысленные его планы - маневры, руководившие войском и гениальные распоряжения его маршалов.

Отступление от Малоярославца тогда, когда ему дают дорогу в обильный край, и когда ему открыта та параллельная дорога, по которой потом преследовал его Кутузов, ненужное отступление по разоренной дороге, объясняется нам по разным глубокомысленным соображениям.

По таким же глубокомысленным соображениям описывается его отступление от Смоленска на Оршу. Потом описывается его геройство при Красном, где он будто бы готовится принять сражение и сам командовать...» (12, 164).

А еще ранее Толстой пишет в романе: «Армия не могла нигде поправиться. Она с Бородинского сражения и грабежа Москвы несла в себе уже как бы химические условия разложения. Люди этой бывшей армии бежали со своими предводителями сами не зная куда, желая (Наполеон и каждый солдат) только одного: выпутаться лично как можно скорее из того безвыходного положения, которое хотя и неясно, они все сознавали. Только поэтому, на совете в Малоярославце, когда, притворяясь, что они, генералы, совещаются, подавая разные мнения, последнее мнение простодушного солдата Мутона, сказавшего то, что все думали, что надо только уйти как можно скорее, закрыло все рты, и никто, даже Наполеон не мог сказать ничего против этой, всеми сознаваемой истины.

Но хотя все и знали, что надо было уйти, оставался еще стыд сознания того, что надо бежать. И нужен был внешний толчок, который победил бы этот стыд. И толчок этот явился в нужное время. Это было так называемое у французов, le Hourra de l'Empereur¹.

На другой день после совета, Наполеон, рано утром, притворяясь, что хочет осматривать войска и поле прошедшего и будущего сражения, с свитой маршалов и конвоя, ехал по середине линии расположения войск. Казаки, шнырявшие около добычи, наткнулись на самого императора и чуть-чуть не поймали его. Ежели казаки не поймали в этот раз Наполеона, то спасло его то же, что губило французов: добыча, на которую и в Тарутине и здесь, оставляя людей, бросались казаки. Они, не обращая внимания на Наполеона, бросились на добычу, и Наполеон успел уйти!

Когда вот-вот les enfants du Don** могли поймать самого Императора в середине его армии, ясно было, что нечего больше делать, как только бежать как можно скорее по ближайшей знакомой дороге. Наполеон с своим 40-летним брюшком, не чувствуя в себе уже прежней поворотливости и смелости,

¹ Императорское ура (фр.).

** Сыны Дона (фр.).

понял этот намек. И под влиянием страха, которого он набрался от казаков, тотчас же согласился с Мутоном, и отдал, как говорят историки, приказание об отступлении назад на Смоленскую дорогу.

То, что Наполеон согласился с Мутоном, и что войска пошли назад, не указывает того, что он приказал это, но что силы, действовавшие на всю армию, в смысле направления ее по Можайской дороге, одновременно действовали на Наполеона» (12, 114-115).

Конечно, Толстой, делая подобного рода вывод, опирается как на русские, так и на иностранные источники, в том числе на «Манускрипт» Фэна, который, описывая это событие, приводит в нем воспоминания других французских мемуаристов, постоянно делает ссылки на них в своих записях.

«Мы столкнулись с препятствием, - пишет Фэн, - которое должно было изменить наше отступательное движение. Армия, собранная в Боровске, и наш авангард, основавшийся на пути к Малоярославцу, - все, казалось, укрепляло решение идти на Калугу. Однако это не было еще возможным, так как Кутузов должен был появиться с минуты на минуту в Боровске, и на этот случай было принято решение произвести отступление к Вязьме по дороге от Вереи, которая отныне нам была открыта. Император обсудил все это 23 числа с принцем Богарне и выдвинул это предложение как исключаящее какие-либо вероятности. Но вице-король, пораженный присутствием казаков, которых он в течение двух дней постоянно видел на левом фланге, склонен был придать больше значения этому предложению. Вечером он продвинулся только на несколько лье. Он послал своему авангарду приказ отступить в случае, если будет слышен грохот пушек в направлении Боровска. Но генерал Дельзон, занявший позицию у Малоярославца только с двумя батальонами, полагал, вероятно, с остатком своей дивизии обосноваться у подножия города, по эту сторону от реки Лужи.

Между тем ночь прошла спокойно, и к началу полного дня, когда беспокойство улеглось, вице-король снова двинулся в путь, чтобы соединиться с Дельзоном; все части армии тоже двинулись в путь вслед за ним.

24 числа императорский штаб покинул Боровск рано утром, едва прошли два лье, как наши несколько офицеров заметили слева за ручьем не больше чем в двухстах шагах пикет из десяти-двенадцати казаков. Догнать их было делом минуты, но привести к императору смогли только двух из них, который, остановившись на краю дороги, устроил легкий завтрак с Неаполитанским королем, принцем Невшательским и генералом Ларибуасьером. Только начали допрашивать казаков, как вдруг послышался грохот пушек со стороны Малоярославца. Тотчас Наполеон сел на лошадь и поскакал туда, где разгоралась битва. Встретив на пути одного из офицеров вице-короля, он тотчас был информирован о том, что происходило в авангарде. Два батальона, которые накануне завладели Малоярославцем, были замечены и утром, на заре, атакованы русскими в превосходящем числе. Им надо было бы отступить, но Дельзон с остатком своей дивизии прибежал к ним на помощь, и позиция была удержана.

Однако враг не прекращал наступать со все нарастающими силами. Положение становилось серьезным, и принц Евгений двинулся вперед со всем своим армейским корпусом. Узнав об этой тревоге, император решил послать своего ординарца Гурго, который должен дать приказ вице-королю удержать Малоярославец и сообщить ему, что к нему идут на помощь. В то же время он торопит колонны принца Экмюльского, которые находятся первыми по дороге. Главный штаб со снаряжением остановился в деревушке Городня, в то время как Наполеон продолжал продвигаться вперед. К полудню он был напротив Малоярославца и нашел вице-короля, задействованного в одном из самых тяжелых сражений, которые когда-либо были даны. Малоярославец был расположен по другую сторону Лужи на высоте, крутой откос с которой возвышался над нашей дорогой. Если бы русские достигли этого места, расположение территории и захват этого естественного препятствия обеспечивали им превосходство, которое не позволило бы нам больше думать о продолжении движения.

Но вице-король, его генералы и brave солдаты почувствовали важность момента и позиции. Они отвечали на многочисленные атаки Кутузова усилиями храбрости и преданности, которые возмещали неравенство в количестве. И действительно, русская армия, вся целиком и численностью более чем в 80 000 человек, предстала перед нами.

Кутузов понял наконец движение, которое произошло у него на левом фланге, но это случилось только накануне, когда он поднял свой лагерь из Тарутино. До этого он уделял мало внимания донесениям, которые ему посылал Дорохов из окрестностей Фоминского и Боровска. Утром 23-го Милорадович пришел сказать ему, что его аванпосты продвигались по дороге из Москвы, не встречая врага за Вороновым, и что нет больше причины для беспокойства. Момент движения на Боровск был упущен, Кутузов подумал, что есть еще время достичь Малоярославца раньше французов. Однако этому желанию не суждено было осуществиться. Часть его войск была рассеяна в поисках фуража и провизии более чем за 20 верст от лагеря, и надо было ждать их возвращения. Имея возможность

собрать своих людей только вечером, он воспользовался сначала тем, что было у него под рукой. Легкая кавалерия Дорохова и пехота Дохтурова направлялись к Боровску; он им послал приказ двинуться первыми на Малоярославец. Это колонны Дохтурова атаковали этим утром два батальона Дельзона. Более сильное препятствие, более густая линия не позволили, быть может, русским пройти. Теперь же здесь укрылась целая армия Кутузова. Она шла всю ночь. Видно было, как колонны строились и следовали друг за другом на небольшой поляне, расположенной между городом и лесами.

Евгений сначала поддержал дивизию Дельзона дивизией Брусьера; Дельзон пал, сраженный, замертво, начальник главного штаба Гильемино заменил его. Со стороны русских был убит Дорохов, но быстро подоспел Раевский; вскоре он получил подкрепления Бороздина, и вице-король кончил тем, что пустил в ход все, что у него оставалось в резерве. Были задействованы дивизия Пино и Итальянская гвардия. Город переходил из рук в руки более семи раз. Все стало добычей железа и пламени, осталась только куча пепла и трупов. Генерал Пино, генерал Фонтана, генерал Жифланга, адъютанты принца Евгения были ранены.

Император расположился на краю дороги, на выступе, откуда он следил за ходом битвы. Именно отсюда он отдавал приказания установить справа и слева сильные батареи, которые били с одного берега на другой, осуществляя защиту вице-короля. Выше моста над Лужей построили мост на козлах, чтобы восстановить сообщение, облегчить оказание помощи. Дивизия Жерара, принца Экмюльского, которая только что присоединилась, проходит по первому мосту, дивизия Компана проходит по второму, и обе оказываются таким образом по бокам Итальянской гвардии. Их прибытие заканчивает действие. Кутузов призывает к себе свои изнуренные войска и удовлетворяется тем, что устанавливает свою линию позади так, чтобы перекрыть дорогу из Малоярославца на Калугу. Только ночью император вернулся в главный штаб в Городне.

События дня заставили его призадуматься; он погрузился в глубокие размышления, и тесная его хижина, где он нашел убежище, поставила его в необходимость думать вслух в присутствии приближенных к нему лиц.

Враг, казалось, пожелал занять позицию. Если мы его атакуем, битва будет неизбежна. В подобном состоянии дел сможем ли мы ее выиграть? Наша главная задача была не только проникнуть в Калугу, но достигнуть Смоленска. Нам надо было сначала быть уверенными в дороге, и мы в этом преуспели. Дорога из Вязьмы не могла больше вызывать сомнения. Мы могли бы попробовать простые варианты марша, нас бы устроила дорога менее разоренная, но эта второстепенная выгода стоила ли того, чтобы за нее платить ценою битвы?

Что более всего претило императору, так это жертва во имя этой победы только для достижения наилучшего пути к отступлению.

Однако принц Евгений один бился с Кутузовым. Он так хорошо начал, но означало ли это, что вся собранная армия была бы так же уверена в успешном окончании сражения?

Еще несколько шагов и мы достигнем Калуги. Мы могли бы, тем не менее, отступить нетронутой дорогой из Медыни. Почему бы не воспользоваться с помощью последнего усилия результатом состоявшейся битвы? Император склонялся, очевидно, ко второму мнению, но на этот раз он чувствовал давление мнения, что витало вокруг него. У гения есть свои вдохновения, у таланта есть только расчеты.

С момента, когда воля Наполеона перестала быть его обычной силой, он должен быть подмят этими советами, тривиально признанными наиболее осторожными. "Речь идет об окончании кампании, а не ее продолжении, - говорили ему. - Вопрос не в том, чтобы победить, а вернуться как можно раньше в зимние квартиры. Нужно выбрать самую короткую и менее опасную дорогу. Надо, стало быть, оставить там Кутузова, его битву и удалиться нам!"

"Отступить перед Кутузовым! - вскричал император, - отступить перед врагом, когда его только что разбили, может быть, в момент, когда он только и ждет знака, чтобы отступить ему самому?!.. "

Офицеры были оставлены на аванпостах, шло время, час за часом, один из них отделился, чтобы дать отчет в генеральный штаб обо всем, что происходит на линии двух армий. Все рапорты уверяли, что русские остаются на своих местах и теперь! Император мог только убедиться, что Кутузов именно так решил. На заре он пожелал сам посетить поле сражения. Офицеры-ординарцы Гурго и д'Арамбер сообщили, что всю ночь был слышен справа от нас топот лошадей, тот же звук был слышан на аванпостах генерала Жерара. Послал ли Кутузов отряд кавалерии на Медынь или скорее то была вылазка казаков, которые сделали крюк, чтобы пересечь Лужу и напасть на наши биваки? Одно событие вскоре должно было нам все прояснить.

Император верхом, сопровождаемый только тремя взводами своего эскорта, двигался к Малоярославцу, как вдруг тревожный и беспорядочный водоворот поднялся перед ним, угрожая захватить его. "Это Платов! Их десять тысяч!" - кричала толпа канониров, маркитантов, ездовых и

одиночных людей, которые устремились со всех сторон, чтобы избежать орды казаков, одни из которых стегали направо и налево бегущих, в то время как другие направляли свои усилия на то, чтобы отбить пушки соседнего парка. У Наполеона хватило только времени, чтобы уклониться налево от дороги; офицеров со шпагами в руках охватил шок, и в этом случае бесстрашие генерала Раппа проявилось новым подвигом. Вскоре прибежали гренадеры гвардии во главе с герцогом Истрийским, которые очистили дорогу. Но случилось несчастье. В стремительной атаке наших grenадеров был сражен капитан Лекуте в тот самый момент, когда он только что убил одного казака. Он был ошибочно принят за врага из-за зеленого сюртука, накинутого поверх его формы адъютанта принца Невшательского. Генерал Рапп был опрокинут и брошен в самую большую свалку.

Вооруженные саблями казаки рассеялись повсюду, преследуемые драгунами гвардии. Император продолжил свой путь и вскоре достиг высот, где находился Малоярославец. Поле битвы было одно из самых ужасных, которое можно себе представить, и свидетельствовало о неслыханных усилиях, которые были предприняты, чтобы здесь удержаться³.

Здесь Наполеон встретил вице-короля. "Евгений, - сказал он ему, нежно обнимая его, - эта битва ваша - самый прекрасный подвиг". Император в сопровождении вице-короля, принца Экмюльского, герцога

Истрийского провел большую часть дня 25 числа в сборе сведений о русских и обследовании их лагеря. Он увидел, что две трети погибших были ополченцы, еще одетые в серые куртки. И чем больше он оценивал потери, которые понес враг, и современное состояние его пехоты, тем больше он сомневался, что решение Кутузова могло склониться к тому, чтобы выдержать новый натиск. Однако ему показали укрепления, которые русские торопились построить на внешней стороне их линии, и это всегда создавало единодушное мнение, что Кутузов не будет отступать.

Большое количество раненых, которыми накануне битва покрыла развалины Малоярославца, дало сторонникам отступления самые убедительные аргументы.

"Если рискнут еще на одну битву, наши полевые госпитали заполнятся еще больше. Как их увезти? Наши раненые станут покинутыми людьми".

Душераздирающая картина, представшая перед взором императора, придавала большую силу подобного рода размышлениям, и именно это особенно сильно потрясло его^{*4*}.

"Кроме того, - говорили еще, - если Кутузов отступил бы, если бы он нам оставил свободный проход, нам надо было бы сохранить движение вперед". Дорога, которую он уступил бы нам, побудила бы нас идти слишком близко от его курьеров, рассыпанных вокруг него. Если он и пополнил свою пехоту только ополченцами, зато он получил многочисленные подкрепления казаков; если он и был слаб на линии битвы, то не был так силен, как на больших дорогах. Храбрость его недисциплинированных орд не знала границ.

Они были перед нами, позади нас, на наших флангах. Мы встречали их на каждом шагу. Единственная дорога могла нас отдалить от них на несколько дней, это дорога от Вязьмы, и мы должны были торопиться ее захватить. Движение, которое только что осуществили русские, чтобы прикрыть Калугу, уже ее освободило. Если бы они остановили свое отступление, нам оставалась только одна возможность - отступать в противоположном направлении^{*5**}.

В самом деле, возвращение через Вязьму нас заставит пересечь пустыню; но решено было пренебречь всеми лишениями. Десять или двенадцать переходов вскоре были пройдены, и это дает

³ Внутренняя часть города Малоярославца представляла самый ужасный вид. Войдя в него, мы увидели с болью место, где погиб генерал Дельзон. Мы очень сожалели, что его преждевременная смерть положила конец его славной карьере. Равно отдавали должное героизму его брата, который был смертельно ранен, желая вырвать его из рук врага. Немного далее нам показали место, где был ранен генерал Фонтана, а под плато мы увидели развернутый строй grenадеров 35-го полка, которые отдавали погребальные почести их храброму полковнику. Город, где была битва, не существовал больше. Нельзя было различить линии улиц из-за многочисленных, повсюду разбросанных трупов. Дома представляли груды руин, а под дымящимся пеплом появлялись скелеты, наполовину уничтоженные огнем» (Эжен де ла Бом. С. 259-260). (Здесь и далее примечания даны А.-Ж.-Ф. Фэнном. - И.Г.)

** «В битве при Малоярославце мы получили две тысячи раненых, из которых многие офицеры высших чинов, которых мы перевязывали на поле битвы и которых мы отправляли вслед за армией в частных каретах, вывезенных из Москвы. Я должен особенно похвалить М.М. Ассалини - первого хирурга принца, Пинсона - главного хирурга армии и т.д. и т.п.» (Барон Ларрей. «Мемуары военного хирурга»).

*** «Император, посоветовавшись минуту, подошел к графу де Лобо и сказал ему: "А Вы, Мутон, что скажете Вы? - Сир, мое мнение - отступать к Неману самой короткой дорогой через Можайск и как можно скорее". И это он повторил несколько раз» (Генерал Гурго).

силу в преодолении всего. Все боялись зимы, но не боялись устремиться в середину страны без пристанища.

Однако ничего еще не было решено. Император оставил армию принца Экмюльского для наблюдения за линиями Кутузова и вернулся провести вторую ночь в хижине Городни. 26 утром он снова направился к Малоярославцу, но на полпути он узнал, что враги отступают. Эта новость сняла с него все, что у него было самого тяжелого в решении, предложенном для отступления на Вязьму. Кутузов понял беспомощность своей попытки и покинул нас на поле битвы! Честь нашего оружия была удовлетворена. С этого времени император не противился уступать мнению своих генералов.

Сидя возле разведенного огня на краю дороги, он послал приказ всему, что еще стояло неподвижно в Городне, отступить на Боровск^{*6***}.

"Мы шли, чтобы атаковать врага, - сообщал он через принца Не-вшательского всем командующим, кто был позади, но Кутузов начал отступление. Принц Экмюльский бросился сначала преследовать его, но холод, необходимость освободиться от раненых, которые были с армией, толкнули императора вернуться к Можайску и оттуда к Вязьме". Таким образом, в одно и то же время с 26 на 27 число пространство, занятое двумя армиями, опустело сразу. Однако Кутузов, взволнованный неожиданностью, через которую он чуть не потерял Калугу, и от известия, полученного только что в Малоярославце, не верил, что так легко отделался. Французский корпус, сказали ему, объявился на дорогах от Вереи в Медынь. Русский генерал представил нашу армию целиком, повернувшей с этой стороны, чтобы прибыть в Калугу. Он больше всего был занят только этой новой опасностью. Он провел дни 27 и 28 числа в маневрировании между Калугой, Малоярославцем и Медынью... Мы же уже повернули на большую Смоленскую дорогу» (Fain. 2, 242-256).

Здесь тон повествования французских мемуаров свидетельствует о том, что их автор умаляет роль Кутузова, усматривает в его действиях нерасторопность и медлительность, неумение руководить войском и вести цивилизованную войну. В то же время он старается выгородить Наполеона, его отказ от дальнейшего наступления ссылками на голод, холод, грабежи, большое количество больных и раненых. Толстой же признает реальной причиной решения Наполеона к отступлению его страх и растерянность, усилившиеся после Бородина при новом столкновении в Малоярославце с героическим духом русского народа, обречшим на гибель наполеоновское нашествие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Fain A.-J.-F.* Manuscrit de mille huit cent douze, contenant le precis des evenements de cette annee, pour servir a l'histoire de l'Empereur Napoleon. P.: Delaunay, 1827. Vol. 1-2.

Все выдержки из главы «Битва при Малоярославце» даются в переводе И. К. Грызловой. Номера тома и страницы указываются в скобках после фамилии мемуариста Fain.

² См: Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию Бородин. сражения. Бородино, 3-5 сент. 2007 г. Можайск, 2008. С. 69.

³ См.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928-1958. Все ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

**** «Наполеон часто себя упрекал за то, что он уступил, таким образом, мнению других. Ему говорили при обстоятельствах еще более серьезных, но бесполезных, чтобы приводить здесь, что он избежал бы больших невзгод, особенно в последние годы своей карьеры, если бы полагался только на самого себя» (Генерал Гурго).